

СМЕНА

ПЕСНИ, ПОЛНЫЕ СОЛНЦА

СЕГОДНЯ И. О. ДУНАЕВСКОМУ
ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80 ЛЕТ

ДВАЖДЫ посчастливилось мне присутствовать на его авторских концертах. Было это совсем незадолго до безвременной кончины композитора, и, казалось, ничто еще не предвещало беды. Дунаевский стоял за пультом — очень изящный, очень энергичный, и дирижерские его жесты, чуждые всякой рисовки, были властны и скупы. Но вот, когда запели малыши из детского хора, он преобразился. Казалось, тогда он волновался даже больше, чем солисты. Дирижуя — как мог подбадривал их. И блеском глаз подбадривал, и улыбкой, и вместе с ними чуть слышно шептал: «Ребята, ребята, скворцы прилетели! Скворцы прилетели! На крыльях весну принесли...».

А потом лилось над залом — и «Каховка, Каховка, родная винтовка...», и «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер...», и «Под звуки вальса плавные мы вспомним годы славные...», и светлая колыбельная про то, как «сон

приходит на порог...», и вот эта лирическая жемчужина: «Ох ты, сердце, сердце дивненькое...», где каждая нота, кажется, так и просит: пропой меня...

УДИВИТЕЛЬНЫЙ песнетворец, он порой соединял вроде бы несоединимое — и вот уже песня, посвященная столь серьезной теме, как борьба за мир, звучала с экрана вдруг так задушевно, так нежно («Летите, голуби, летите!...»), что, казалось, сама помогала этому полету белых птиц... И лица в кинозале сразу светлели. Так же светлели они, когда пастух Костя Потехин вызволил на жайке: «Легко на сердце от песни веселой...», когда письменосец Стрелка слагала гимн в честь «красавицы Волги», когда американка Марион Диксон шла по Красной площади с песней, которая вскоре стала известной всему миру: «Широка страна моя родная...». Эти фильмы люди готовы смотреть снова и снова, и, сидя в зале, они как бы заново переживают все, что было в прошлом, потому что никак

уже не представить нам себя без этих вот пусть иногда наивных, но все равно славных картин, без этих вот дивных песен...

АВТОРСКИЙ концерт продолжался, мелодия сменяла мелодию — одна лучше другой, в музыке царило солнце, и строгий филармонический зал весь наполнялся улыбками... Композитор улыбался тоже, у него была улыбка талантливого человека, и чувствовалось, что несравненная жизнерадостность его музыки — это прежде всего черта характера самого Дунаевского, это его взгляд на жизнь, который звучит в каждой ноте.

Сколько бы лет ни прошло, какие бы новомодные песенные течения ни появлялись, а люди всегда будут тянуться к этим солнечным напевам, что однажды счастливо родились в его добром сердце. Не случайно же песню о сердце, которое умеет «так любить», сложил тоже он...

Л. СИДОРОВСКИЙ
● И. О. Дунаевский среди ленинградских пионеров. 1937 г.